

*Моим детям и внукам
посвящается*

С возрастом всё отчетливее осознаешь необходимость лучше знать историю своего рода, своей семьи. Такое знание позволяет не только точнее определиться с собственным «я», но и твёрдо усвоить, что судьба каждого гражданина неразрывно связана с историей своего Отечества. Понимание этого и убеждение в том, что «судьбу назад не повернёшь», помогает найти предметы для гордости в своей родословной и избежать ошибок в собственной жизни...

Я довольно рано лишился отца: он умер полвека назад, 16 октября 1968 г., от хронической пневмонии в Центральной районной больнице г. Новгорода (ныне – Великий Новгород), за два месяца до того, как мне исполнилось 12 лет. Смерть отца застала меня врасплох. Я знал, что он находится в больнице, даже был там: помню, что больные лежали вдоль стен в коридоре. Однако однажды, вернувшись из школы и увидев стоявшую у дверей нашей квартиры крышку гроба, был ошеломлён. Я тогда учился в 5 классе, и почти все мои одноклассники присутствовали на похоронах отца, который был погребён на Рождественском кладбище Новгорода – довольно старого кладбища у Московского шоссе: там есть могилы, относящиеся к середине XIX века. Сейчас мне кажется довольно странным участие моих школьных товарищей в траурной церемонии, но тогда это казалось вполне естествен-

ным и расценивалось как моральная поддержка меня одноклассниками. Врезалась в память такая деталь: после прощания с телом отца, в котором участвовало довольно много людей, гроб не смогли вынести из квартиры, поскольку прихожая была очень маленькой. Пришлось открывать окно и через него передавать гроб на улицу. Это было возможно, так как жили мы на первом этаже. Вблизи окна стоял оркестр и играл «Похоронный марш». На улице шёл мелкий противный дождь...

Ко времени кончины отца я знал о нём немного. И в последующие 10 лет почти ничего не прибавил к этим своим знаниям. Георгий Николаевич Смирнов родился 11 апреля (н.с.) 1902 г. на Псковщине в крестьянской семье, в детстве был батраком у мельника, одну или две зимы ходил в церковно-приходскую школу, участвовал в Гражданской войне в составе Красной Армии, где его научили грамоте. Затем отец учился на электромонтёра, кем и работал много лет. С начала 1960-х годов находился на пенсии. Какое-то время, очевидно, летом 1968 года, отец подрабатывал – был сторожем строившегося в Новгороде здания городской телефонной станции – напротив Дома Советов (ныне – «Ростелеком», ул. Людогоща, 2). Я помню, что мы ездили туда вместе с моим школьным другом на велосипедах...

У отца был старший сын Анатолий, мой сводный брат (я долгое время не понимал, что это такое), который тоже – вместе с семьёй – жил в Новгороде. К отцу частенько заходили два товарища по работе (по возрасту – его ученики), с которыми он выпивал на кухне. Помню и любимое блюдо отца – жареную с салом картошку.

Отец был очень аккуратным человеком: кажется, одни ботинки (такие я впоследствии получал в военно-морском училище) он носил 17 (!) лет. Отца уважали соседи по дому и ... женщины (за галантное обхождение). Он оберегал природу (постоянно гонял соседских мальчишек, лазавших на липу, которая росла у одного из двух окон нашей угловой комнаты). Незадолго до смерти посадил два тополя напротив этих окон (они уже давно переросли липу, стали выше крыши нашего двухэтажного дома № 21 на улице Ленинградской (ныне – Большая Санкт-Петербургская) и в начале XXI века были спилены). А ещё поздними вечерами отец любил слушать радио: у нас был приёмник (радиола) «Рекорд», причём, только много лет спустя, я понял, что он слушал. Это был «Голос Америки»...

В 1974 г. я окончил среднюю школу № 1 (ныне – гимназия № 2) в Новгороде, где учился 10 лет. В том же году стал курсантом Выс-

шего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе в Ленинграде. При поступлении в анкете я написал об отце следующее: когда и где он родился, когда и где умер и где был похоронен. Однако пять лет спустя, когда я начал службу в Севастополе в океанографической экспедиции, предназначенной для выполнения работ за границей, подобных сведений оказалось недостаточно. Для оформления выездного дела потребовалось написать подробную автобиографию, где следовало указать, чем занимались родители в период Великой Отечественной войны (1941–1945).

За подробными сведениями я обратился к матери. Её письмо стало для меня откровением, а для неё – трагическим воспоминанием. Оказалось, что мой отец был дважды судим – в 1937 и 1951 гг. по ст. 58-10 (антисоветская агитация) и дважды реабилитирован – в 1964 и 1966 гг. К письму были приложены копии справок о реабилитации. Всё это я изложил в своей автобиографии. Через несколько месяцев было дано разрешение «компетентных органов» на мою командировку в Социалистическую Эфиопию в составе океанографической экспедиции войсковой части 10422. Хотя могли и отказать: очевидно, начальник экспедиции Ф.Д. Зеньков², в то время капитан 2 ранга, поручился за меня. Однажды он мне об этом намекнул. В сентябре 1980 г. я отправился на океанографическом исследовательском судне «Василий Головин» в Африку (в Социалистическую Эфиопию), где пробыл 14 месяцев ...

В 1986 г. я был переведён из Крыма в Ленинград – к новому месту службы. Летом, естественно, побывал в Новгороде, навещил маму и побывал на кладбище – у отца. Впечатления от этого остались в следующих строках:

Прости, отец! // Я у твоей могилы не был //
Едва ли не десяток лет... // Над кладбищем безоблачное небо, //
И сквозь листву струится солнца свет. // (...) Прости, отец! //
Одиннадцать мне было, // Когда от нас ушёл ты в мир иной //
Но тебя память, моя память не забыла: //
Ты – мой отец, и вечно ты со мной.

Новгород 1986 г.

² Зеньков Федор Дмитриевич (1933–1994) – гидрограф, капитан 1 ранга (1981). В 1957–1974 гг. служил на Дальнем Востоке, где в течение семи лет исследовал Чукотку. В 1974–1984 гг. служил на Черноморском флоте, в 1980–1982 гг. руководил комплексными океанографическими исследованиями в Красном море (Социалистическая Эфиопия).

В 1990 г. в Новгороде скончалась от рака моя мама – Анна Петровна Смирнова (1920 г.р.), в прошлом – скромная труженица (утюжилщица) Новгородского филиала Ленинградского швейного объединения «Весна». Таким образом, я остался без родителей и с весьма скудными знаниями о них, хотя за несколько лет до кончины матери я попросил её написать о себе и об отце то, что ей было известно. И она это сделала.

После выхода в свет Указа Президента РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (1991) появилась возможность ознакомиться со следственными делами отца, пополнив, таким образом, знания о нём. Но я узнал об этом не сразу...

Вплотную я занялся выяснением жизненного пути отца летом 1996 г. Для начала я написал письмо в типографию имени Ивана Фёдорова, где он работал в Ленинграде до своего ареста в 1937 г. Вскоре мне позвонили из отдела кадров этого предприятия. Там сохранился личный листок по учёту кадров, сведения из которого мне и сообщили. Однако этого, конечно, было недостаточно. Весной 1997 г. я обратился в приёмную Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области с просьбой ознакомиться со следственными делами отца. Вскоре мне предоставили возможность прочитать материалы дела № 23926 (1937 г.), хранившегося в Петербурге. В течение нескольких дней, работая по полтора – два часа, я их законспектировал.

Чтобы найти следственное дело отца, относившееся к 1951 г., пришлось обратиться – по совету чекистов – в Центральный архив ФСБ. Мой запрос из Москвы переслали в Вологодское управление ФСБ, о чём я и был уведомлен. Почти одновременно из Вологды сообщили, что дело отца пересылают в Петербург с тем, чтобы я смог с ним ознакомиться. Вскоре мне позвонили «с Литейного»: приходите, дело получили. Служба госбезопасности работала чётко и оперативно, за что я был ей благодарен.

Если в деле 1937 г. было всего 50 листов (с учётом документов о реабилитации), то в следующем – 1951 г. – уже 191 лист. Изучение обоих дел, несомненно, значительно расширили мои познания об отце.

Итак, кем же был мой отец, Смирнов Георгий Николаевич? Он родился 11 апреля 1902 г. в деревне Фёкино Пустошкинского района Тверской губернии (ныне – Новоскольниковский район Псковской области). Родители его были крестьянами. Отец отца (мой дед) – Николай Иванович Смирнов – скончался в 1903 г. На руках матери – Александры Сергеевны (1877?–1941 или 1950) –

Смирнов Георгий Николаевич.
Ленинград. 1930-е годы

Смирнова Анна Петровна.
Начало 1950-х годов

Смирнов Г.Н., Смирнова А.П., сын Валентин. Новгород. 1959 год

осталось несколько детей: сыновья Пётр (в 1930-х годах работал литейщиком в Ленинграде и проживал в одной квартире с отцом, погиб на фронте в период Великой Отечественной войны), Алексей (в 1930-х гг. работал в колхозе, проживал в деревне Фёкино) и Георгий (отец), дочь Татьяна (в замужестве Михеева, в 1950-х гг. жила «по месту рождения» – очевидно, в деревне Фёкино).

До 1917 г. Георгий был батраком. В послереволюционном 1918 г. он, очевидно, оставался в своей деревне, а в 1919 – 1920 гг. служил в Красной Армии на Западном фронте – в Смоленске или Двинске (в протоколах допросов разные данные). Затем до 1924 г. вновь батрачил на родине. А в период с 1924 по 1926 годы служил добровольцем в Красной Армии, где окончил электротехнические курсы Военно-Воздушных Сил. В 1925 г. Георгий Смирнов стал комсомольцем, а в следующем – членом ВКП(б).

В конце 1920-х – начале 1930-х годов отец работал электро-монтёром на ленинградской фабрике «Пролетарская победа», получал зарплату 138 рублей и имел общественную нагрузку – был членом Совета председателя Осоавиахима.

Когда он женился, выяснить не удалось. Первой его женой была Анна Николаевна Кондакова (1898–1942). Она происходила из крестьян-бедняков, в конце 1930-х годов работала в артели «Промволос» на Обводном канале, а умерла во время блокады Ленинграда. В 1929 г. в семье Смирновых родился сын – Анатолий (умер в 1976 г., собирая грибы в лесу под Новгородом) – мой сводный брат.

В начале 1931 г. в жизни отца произошло событие, которое во многом предопределило его последующую судьбу: он был исключён из членов ВКП(б). Вот что указано в архивной справке постановления заседания парттройки Районной контрольной комиссии ВКП(б) Московского района от 14 марта 1931 г.

«...Содержание дела: непосещение партсобраний, неуплата членских взносов за...мес., нарушение правил внутреннего распорядка и нетактичное поведение среди безработных.»

Московская контрольная комиссия постановила – исключить.

Постановили: За правый оппортунизм, выразившийся в неверии в преодолении трудностей колхозного строительства, за полный отрыв от партии и подстрекательство рабочих против Советской власти, выразившееся в том, что он заявил рабочим: в государственных магазинах ни черта нет, а у частника много. На заём не подписался. В эту бездну, сколько не сыпь, всё равно ничего из этого не будет, за дезорганизацию, выразившуюся в том,

что сам ушёл с работы и увёл с собою рабочих по заводу – исключать».

Когда отец начал работать в типографии имени Ивана Фёдорова, выяснить не удалось. Там он был электромонтёром и в общении с товарищами по работе – как в типографии, так и дома – очевидно, неоднократно критически отзывался о событиях в стране, благо оснований для этого было немало: 1930-е годы, как известно, были трудным периодом в истории СССР. В своих убеждениях отец был не одинок...

В этот же период руководство страны постоянно призывало граждан к бдительности, подчёркивая, что Советский Союз находится в окружении буржуазных государств. Маховик массовых репрессий набирал обороты: в Москве в начале 1937 г. прошёл 2-й политический процесс над видными членами большевистской партии, 13 из которых (Ю.Л. Пятаков, Л.П. Серебряков и др.) были расстреляны. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин и А.И. Рыков были исключены из партии (они и 18 человек «Правотроцкистского антисоветского блока» были в 1938 г. расстреляны). В мае 1937 г. была арестована группа военачальников (маршал М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич и др.), а 11 июня их расстреляли...

Очевидно, кто-то из сослуживцев отца дал «сигнал» в НКВД о его политических взглядах и выражениях (в деле 1937 г. есть следы «стукача» – ряд документов был закрыт бумагой, и смотреть их не разрешили). И вот в середине июня 1937 г. оперуполномоченный 1 отделения 4 отдела Управления НКВД по Ленинградской области сержант госбезопасности (ГБ) Исаенко³ подготовил постановление о привлечении Смирнова Г.Н. в качестве обвиняемого по ст. 58–10, ч. I УК, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда предложил избрать содержание под стражей в Отдельном Доме предварительного заключения⁴. В постановле-

³ Исаенко Трофим Васильевич впоследствии был заместителем начальника отделения 2 отдела УНКВД Ленинградской области, однако 25 марта 1939 г. «уволен вовсе» из органов.

⁴ Дом предварительного заключения (Д. п. з.) – первая в России следственная тюрьма. Построена в 1875 г. (архитектор К.Я. Маевский) на Шпалерной улице, 25. Имела 317 одиночных, 68 общих камер и карцеры; рассчитана на 700 заключённых. Одними из первых заключённых Д. п. з. были участники «хождения в народ», судившиеся по «процессу 193-х». Впоследствии через Д. п. з. прошли многие землевольцы, народо-вольцы, с середины 1890-х гг. – представители других революционных

нии говорилось, что Смирнов «достаточно изобличается в том, что он враждебно настроен ВКП(б) и Советской власти, систематически проводит среди рабочих контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую агитацию».

С постановлением согласились начальник 1 отдела лейтенант ГБ Завилов⁵, начальник 4 отдела майор ГБ Коркин⁶, а утвердил его 21 июня 1937 г. начальник Управления НКВД по Ленинградской области комиссар ГБ 1 ранга Заковский⁷. В тот же день сотрудник НКВД Смирнов (горькая ирония судьбы!) получил ордер на обыск и арест отца, проживавшего вместе с матерью жены, женой и сыном по адресу: Глазовая улица (ныне – улица Константина Заслонова), д. 10, кв. 16. В ночь с 21 на 22 июня 1937 г. отец был арестован и помещён в следственную тюрьму. Допросы проходили 22 и 23 июня, 6, 20 и 21 июля. Проводил их сержант ГБ М.Т. Сесиков.

Первые два допроса носили «анкетный» характер, после чего на две недели отца оставили в покое. 25 июня – спустя три дня после ареста (строго по закону!) – он был ознакомлен с постановлением об аресте. 1 и 2 июля были допрошены свидетели.

организаций и групп. 14 месяцев (с 9 декабря 1895 г. до 14 февраля 1897 г.) провёл в камере № 193 В.И. Ленин. В дни Февральской революции узники Д. п. з. были освобождены восставшим народом. В 1930–1950 х гг. Д. п. з. – следственная тюрьма Ленинградского управления НКВД–МВД. Здесь содержались многочисленные жертвы массовых репрессий. Название «Шпалерная» стало нарицательным среди ленинградцев. Ныне в здании находится следственный изолятор № 3 Федеральной службы исполнения наказаний.

⁵ Завилов Ной Аронович (1903–1940) – чекист, лейтенант ГБ (1937). Родился в г. Новгороде, в семье зубного врача. В 1921–1922 гг. – ответственный секретарь Новгородского губкома комсомола. С 1925 г. в органах ОГПУ–НКВД. В апреле–мае 1938 г. начальник 4 отдела УГБ НКВД Мордовской АССР. 26 мая 1938 г. арестован. 3 мая 1940 г. осуждён к 8 годам лишения свободы. Умер в заключении.

⁶ Коркин Петр Андреевич (1900–1940) – чекист, майор ГБ (1936). С 1921 г. служил в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД. Начальник Управлений НКВД по Воронежской (1937–1938) и Днепропетровской (1938) областям. В начале 1939 г. арестован. 28 февраля 1940 г. приговорён к смерти Военной Коллегией Верховного Суда СССР и расстрелян.

⁷ Заковский Леонид Михайлович (Штубис Генрих Эрнестович, 1894–1938) – латыш, чекист, комиссар ГБ 1 ранга. Арестован 19 апреля 1938 г. по обвинению в «создании латышской контрреволюционной организации в НКВД, а также шпионаже в пользу Германии, Польши, Англии». Расстрелян 29 августа 1938 г.

Главный механик типографии Я.А. Дмитриев (1903 г.р., член ВКП(б) с 1931 г., из крестьян, образование среднее) охарактеризовал отца, которого знал с 1936 г., как *«активного антисоветски настроенного человека»*: заявлял, что Советская власть проводит несправедливую политику в деревне, крестьяне там голодают, колхозы не смогут улучшить материальное положение колхозника, рабочему сейчас также плохо живется в СССР: заработок не повышают, цены увеличивают, везде – очереди. Когда же в мае 1937 г. Дмитриев проводил с рабочими механического цеха беседу по докладу тов. Сталина, то отец *«восхвалял руководителей троцкистско-зиновьевской организации, а также допускал клеветнические “изложения (так в документе – В.С.) по адресу руководителей Советской власти»*.

Показания Дмитриева практически повторил рабочий П.Г. Гаврилов (1896 г.р., в прошлом – член ВКП(б) и директор завода имени Стрельникова, судимый по ст. IV УК (халатность) на 1 год условно. Нельзя исключать того, что он встречался с Дмитриевым перед своим допросом и уже знал, что нужно говорить.

«Свежую струю» в расследование внёс электромонтёр типографии И.Т. Додок (1907 г.р., белорус, из крестьян, дважды судимый – в 1928 и 1935 гг. по ст.74 (хулиганство). Додок всего три месяца знал отца, но запомнил два «антисоветских» эпизода. 29 апреля Смирнов Г.Н. заявил ему, что надоело слушать митинги, которые «рабочему пользы не приносят», а однажды (тоже в апреле) отказался взять предложенный Додоком – возможно, в провокационных целях – доклад Сталина на Пленуме ЦК, заявив, что *«если бы было написано о снижении цен на хлеб, то я бы тогда читал»*. При этом отец, как показал Додок, *«пытался дискредитировать тов. Сталина»*.

6 июля отец вновь был на допросе у Сесикова. Тот, очевидно, умело использовал показания свидетелей, и отец признал себя виновным в контрреволюционных высказываниях в 1930 г., за что был исключён из партии, в «восхвалении» руководителей троцкистско-зиновьевской организации и клеветнических измышлениях по адресу руководителей ВКП(б) в апреле 1937 г. Кроме того, он рассказал о бывшем электромонтёре И.Г. Леонтьеве, который «своим антисоветским поведением» влиял на него. Так, однажды, по словам отца, он и Гаврилов были на квартире у Леонтьева, где выпивали и обсуждали «текущий момент».

Сесиков пытался заставить отца признаться в том, что все трое они составляли контрреволюционную группу, но это ему не удалось...

Однако через некоторое время ситуация изменилась. Награждение наркома НКВД и Генерального комиссара ГБ Н.И. Ежова⁸ орденом Ленина за «успехи» в разоблачении «врагов народа», несомненно, оказало стимулирующее воздействие на рядовых чекистов. И они стали действовать ещё более решительно. 20 июля на очередном допросе Сесиков сломил сопротивление арестованного Смирнова. Отец дал показания о том, что Гаврилов, как и Леонтьев, был настроен против Советской власти (говорил, что *«зажали нас в кулак, слово сказать нельзя, только и остаётся нам, что утирать слезы от этой жизни»*, *«растрелянным троцкистам нужно воздвигнуть памятник»*, хвалился, что раньше служил в ВЧК, имел наградное оружие, а потом разочаровался во всём, якобы сдал оружие и партбилет и пошёл работать на производство). В конечном счёте, под давлением следователя отец вынужден был признать, что в типографии существовала контрреволюционная группа, а он – вместе с Леонтьевым и Гавриловым – являлся её участником.

На следующий день Сесиков решил закрепить успех и потребовал от отца сведений о практической деятельности «контрреволюционной группы». Но подследственный Смирнов «вспомнил» лишь несколько эпизодов из контрреволюционной деятельности Леонтьева. Однажды тот, прочитав в газете об убийстве делегатки VIII [чрезвычайного] съезда [Советов] Прониной⁹, сказал, что *«вот ещё одну жидовку убили»*. В другой раз, держа в руках газету с известием о расстреле военачальников, заявил: *«Вот видишь: расстреляли героев»*. Леонтьев же, по словам отца, *«саботировал на производстве, со злобой часто бросал работу и уходил домой, говоря, что платят мало зарплату»*. После этого отца надолго оставили в покое (если так можно говорить о нахождении в камере тюрьмы).

17 августа 1937 г. Сесиков подготовил постановление о том, чтобы весь следственный материал о контрреволюционной де-

⁸ Ежов Николай Иванович (1895–1940) – партийный и государственный деятель, генеральный комиссар ГБ (1937). Член Оргбюро ЦК ВКП (б) (1934–1939), Секретарь ЦК ВКП (б) и Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) (1935–1939), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) (1937–1939). Народный комиссар внутренних дел СССР (1936–1938), народный комиссар водного транспорта СССР (1938–1939). Расстрелян по обвинению в подготовке антисоветского государственного переворота.

⁹ Учительница М.В. Пронина была зверски убита тремя бандитами 11 декабря 1936 г. в г. Мелекесе Куйбышевской области.

ательности Гаврилова и Леонтьева выделить из дела № 23926 и передать в I отделение IV отдела УГБ для привлечения их к ответственности, поскольку срок следствия по делу обвиняемого Смирнова истёк, а бывший член ВКП(б) Гаврилов и Леонтьев принимали участие в контрреволюционной деятельности совместно с отцом.

Таков был нехитрый сценарий репрессий, охвативших всю страну: сначала люди проходили по делам своих товарищей в качестве свидетелей, а затем – в качестве обвиняемых. Не приходится сомневаться в том, что и Гаврилов, и Леонтьев (если его обнаружили, поскольку в Ленинграде он отсутствовал) были тогда же, в 1937 г., репрессированы...

25 августа, ровно через два месяца после начала следствия (строго по закону!) оно было закончено проведением очной ставки между Додокком и отцом. Ставку проводили чекисты Малинин (начальник Красногвардейского райотдела НКВД, старший лейтенант ГБ) и Сесиков. Додок вновь указал на контрреволюционные действия отца, добавив и третий эпизод: Смирнов, по его словам, говорил, что «колхозники не имеют хлеба, голодают, приезжают в Ленинград за хлебом». Отец в своё оправдание сказал только следующее: «я действительно не был на митинге и мотивировал это тем, что нельзя уйти с дежурства».

В эти же дни обвинительное заключение по делу отца было утверждено начальником УГБ НКВД Ленинградской области майором ГБ Шапиро¹⁰. В нём Сесиков предложил следственное дело № 23926-37 г. по согласованию с заместителем областного прокурора по надзору за органами НКВД направить на рассмотрение спецколлегии Леноблсуда. В качестве свидетелей предлагалось вызвать в суд Я.А. Дмитриева, П.Г. Гаврилова и И.Т. Додока. 17 сентября 1937 г. помощник областного прокурора наложил резолюцию: «*Утверждаю. Предать суду по ст.58-10-1 УК*».

23 сентября состоялось подготовительное заседание спецколлегии Леноблсуда в составе Зимина (председатель), Венгриса и Калнина при участии прокурора Израэлиты и секретаря

¹⁰ Шапиро-Дайховский Натан Евнович (1901 – 29.08.1938) – чекист, старший майор ГБ (1937). С марта 1938 г. – заместитель начальника 2-го управления (Управления особых отделов) НКВД СССР (одновременно начальник 5-го отдела того же управления). Арестован 14 апреля 1938 г., расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 29 августа того же года. Не реабилитирован.

ря Купцовой. Было предложено: дело принять к производству, СМЕРНОВА Г.Н. предать суду по ст. 58-10, ч. I УК, заседание суда назначить на 2 октября 1937 г. в г. Ленинграде, без участия государственного обвинителя и защиты, под председательством тов. Королькова.

25 сентября отец получил копию обвинительного заключения. В назначенное время – 2 октября – состоялось закрытое заседание спецколлегии Леноблсуда (председатель – Корольков, члены – Мищенко и Горбачёв, секретарь – Матвеева). Было решено заслушать дело в отсутствие не явившегося свидетеля Гаврилова (он, очевидно, уже был арестован). На суде отец предпринял попытку облегчить свою участь. Он не признал себя виновным, хотя показания, данные в период следствия, подтвердил. Он заявил следующее: *«В 1930 г. я не вёл [контрреволюционных] разговоров. В этой части мои показания на предварительном следствии неправильны, подписал показания по требованию следователя (вполне возможно, что «требования следователя» носили насильственный характер. – В.С.). Во время проработки доклада т. Сталина я не клеветал на большевиков, троцкистов не восхвалял.*

Я был в отпуске в деревне, по приезде делился своими впечатлениями с рабочими, говорил, что вследствие плохого руководства в деревне колхозы в плохом состоянии, скот и люди падают с голода».

Но для «высокого суда» ситуация, в общем, была понятна. Председатель предоставил слово адвокату (всё-таки, он был!) Н.Н. Лобызенко, который попросил для подсудимого снисхождения. О том же в последнем слове просил и отец. После совещания был оглашён приговор: отец был осуждён к лишению свободы сроком на 5 лет с 22 июня 1937 г. на основании ст. 58-10, ч. I, с последующим поражением в правах по пп. «а» и «б» ст. 31 УК сроком на 3 года. Приговор можно было обжаловать в спецколлегии Верховного Суда РСФСР в течение 72-х часов с момента вручения его копии осуждённому.

В тот же день отец получил копию приговора. Он воспользовался своим правом и направил кассационную жалобу в Москву. 28 октября 1937 г. жалоба отца была рассмотрена в спецколлегии Верховного Суда РСФСР (Рожнов¹¹ – председатель, Озолин и Ке-

¹¹ Рожнов Игнатий Афанасьевич впоследствии, с октября 1938 г. до февраля 1939 г., был председателем Верховного Суда РСФСР.

дрова¹² – члены). Она была оставлена без удовлетворения. 15 ноября 1937 г. две копии этого решения секретарь Леноблсуда отправил в пересыльную тюрьму, где находился отец. Так, спустя пять месяцев после ареста отец стал «зэком». Вскоре в составе партии заключенных его отправили в Воркуту.

Что это было за место? Там, в Печорском крае, в 1924 г. было обнаружено крупное угольное месторождение. В 1931 г. Госплан СССР принял решение начать разведочные работы на Воркутинском месторождении, в самом отдалённом и глухом месте Большеземельской тундры. Через три года был выдан на-гора первый воркутинский уголь. Тогда же здесь, за Полярным кругом, на 67-й параллели, в 160 км от Северного Ледовитого океана и зародился Шахтёрский поселок, была заложена первая шахта, открылась первая школа и начал действовать Воркутинский лагерь НКВД...

Но время было уже зимнее, навигация закончилась, и всю партию заключённых содержали на железнодорожных станциях Княж-Погост, Ухта, Котлас, где использовали на различных работах. В этот период отец долго болел: очевидно, он серьёзно простудился, что и привело впоследствии к хроническим заболеваниям.

В июне 1938 г. партия всё-таки была доставлена в Воркуту, где «зэков» разделили по специальностям. Отец попал на электростанцию, где полтора года и работал электромонтёром. В 1940 г. ему предложили перейти на телеграфную станцию. Он согласился и около года пробыл там. В этот период он сделал ещё одну попытку изменить свою судьбу: отправил в прокуратуру жалобу, в которой указал, что следственный материал по его делу не обоснован и построен на ложных и пристрастных показаниях свидетелей. 26 августа 1940 г. и.о. прокурора I отделения УСО Соловьёв признал её необоснованной. Нужно было «тянуть срок» дальше.

В 1941 г. отца перевели линейным монтером по обслуживанию железнодорожного перегона Воркута – Усть-Уса. Посредине этого перегона была станция Змейка, на которой отец и проживал до своего освобождения в середине 1942 г.

¹² Кедрова (урожд. Майзель, по первому мужу – Пластинина) Ревекка Акибовна (1886–1946) – профессиональная революционерка, военная и политическая деятельница. Вторая жена революционера, чекиста и функционера М.С. Кедрова (1878–1941, расстрелян). По ряду свидетельств, отличилась крайней жестокостью на Севере России в 1918–1920 гг.

...Уже год гремела Великая Отечественная война. Ленинград был блокирован фашистами. Там осталась его семья. Думаю, что о судьбе своих близких отец тогда, после своего освобождения, ничего не знал. Куда ему было податься? И он остался в Воркуте – работать связистом по вольному найму.

26 ноября 1943 г. посёлок Воркута получил статус города: в следующем году в нём насчитывалось около 7 тысяч жителей. В годы войны они вместе с заключёнными выполняли очень важную работу: сотни тысяч вагонов «чёрного золота» были отправлены из Воркуты на «Большую землю».

Почему отца, 40-летнего мужчину, не призвали в действующую армию, сказать трудно. Ведь многие бывшие «зэки» сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Очевидно, лишь одна версия наиболее правдоподобна: здоровье отца было подорвано настолько, что он был не годен к службе. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в 1948 г. отец уехал из Воркуты «по болезни».

Отец вернулся в Ленинград, но ненадолго. К этому времени он, очевидно, уже знал о смерти своей жены во время блокады. Жить ему в Ленинграде, вероятно, было запрещено (да, наверное, и негде) и, получив в Управлении предприятий стройматериалов Северо-Западного округа железных дорог направление на Новгородский кирпичный завод Министерства путей сообщения, он отправился в древний русский город. В Новгороде, на кирпичном заводе, он работал электромонтёром до конца 1948 г., причём непродолжительное время – неделю – был даже начальником электроцеха (вероятно, исполняющим обязанности). В период работы в Новгороде у отца на работе были неприятности. В электроцехе в течение недели был неисправен возбудитель электрогенератора. Это отмечалось каждым дежурным электромонтёром в книге передачи смен, но начальник цеха, по всей видимости, мер не принимал или администрация не реагировала. Из-за того, что возбудитель длительное время работал при низком напряжении, электромотор мощностью 32 кВт 17 сентября сгорел. Это произошло на дежурстве отца. Когда администрация составляла акт, его не пригласили, а впоследствии и не ознакомили с этим актом. Но к ответственности привлекли – удержали 200 рублей из зарплаты (вряд ли он тогда получал более 700 рублей в месяц).

Отец, естественно, не был согласен с таким решением, поскольку считал виновной в происшедшем администрацию заво-

да. Он написал об этом линейному прокурору, приложил соответствующие документы, но всё оказалось бесполезным...

Репутация отца как специалиста оказалась подмоченной. Примерно тогда же произошёл случай, который вызвал у окружающих подозрительность в отношении отца, человека замкнутого и, казалось, всё время чем-то недовольного. Однажды электросварщик В.Г. Абросимов, работавший во вторую смену, заметил, что отец (который в это время отдыхал) проник на завод через окно, расположенное рядом с электромотором. При этом в руках у него, по словам Абросимова, были плоскогубцы, а 2-3 пальца правой руки – замотаны изолентой. Абросимов доложил об этом случае директору, который в его присутствии выяснил у Смирнова причину такого таинственного появления на заводе. Отец ответил, что «заходил по своим нуждам», но, по каким именно, ничего определённого не сказал. Спустя три года, вновь оказавшись под следствием, отец объяснил свой внеурочный визит на завод тем, что «ходил по территории завода для сбора обрезков от досок, в которых нуждался». Что касается экзотического способа проникновения на завод, то он объяснил это так: *«В названное окно лазили ... и другие рабочие, потому что у основного входа в завод, около ворот, постоянно были лужи грязи»*. Возможно, так оно и было: за дрова нужно было платить, а деньги на это у него, привлечённого к материальной ответственности, вряд ли были. Говорить директору завода о подлинной причине он, очевидно, просто не решился...

В феврале 1949 г. он был переведён на Верхневольский известковый завод Министерства путей сообщения. Причиной такого перевода были, как можно предположить, сложившиеся взаимоотношения отца с администрацией Новгородского кирпичного завода.

В Верхневольске, находящемся в 40 км от райцентра Бабаево Вологодской области, он познакомился с моей мамой, работавшей почтальоном Бабаевского отделения связи. В 1950 г. они поженились. Но счастливой их жизнь не оказалась: отца и здесь подстерегали невзгоды. В том же году, 1 мая, на заводе вышел из строя электромотор мощностью 14 кВт. На оперативном совещании у директора завода отцу, как ответственному за состояние работы электростанции, был объявлен строгий выговор с предупреждением о том, что при повторной аварии он будет привлечён к уголовной ответственности. Очевидно, тогда же вологодские чекисты стали собирать на него «компромат», поскольку уже в феврале

1951 г. они получили из архива Института истории партии при Ленинградском горкоме ВКП(б) справку об исключении Смирнова Г.Н. из членов ВКП(б) в 1931 г. Её содержание предоставляло чекистам немалый шанс отличиться. Следовало только грамотно собрать новые факты. Судьба послала им новую удачу: в ночь с 13 на 14 июня на заводе случилась следующая авария. Вновь вышел из строя электромотор мощностью 14 кВт. Участь отца была решена...

В середине августа 1951 г. чекисты допросили нескольких работников известкового завода. 14 числа заместитель начальника завода по хозчасти В.М. Дутин показал, что в его присутствии Отец антисоветских высказываний не допускал, поскольку Виктор Михайлович являлся членом ВКП(б). Однако отец, по словам Дутина, при подписке на заём согласился оформить её лишь на 100 рублей (при зарплате в 700 рублей) и лишь под давлением начальника завода и Дутина вынужден был купить облигации на 300 рублей (42 % от зарплаты!). 15 августа к старшему следователю 1-го отделения Следственной части Управления охраны МГБ на Северной железной дороге по станции Бабаево лейтенанту Фадеву были вызваны на допрос сразу три человека.

Бывший фронтовик разнорабочий Н.А. Тузов (в 1945 г. был осуждён по ст. 74, ч. I УК РСФСР) отозвался об отце как о человеке, имевшем «резко антисоветское настроение». Автослесарь гаража А.А. Орлов (в 1947 г. был осуждён по ст. 142, п. «в») показал, что выпивал с отцом, который допускал «высказывания», содержания которых он не помнит.

«Человек какой-то странный, всегда чем-то недоволен, всё окружающее ему не нравится. В период войны был на Севере и жил значительно лучше, чем в настоящее время», – рассказала на допросе Надежда Бобрик, 34-летняя соседка отца по квартире, мать двоих детей. Она привела и примеры «антисоветского поведения» отца. Когда однажды «вождь» (так во всех протоколах называли Сталина) выступал по радио, то отец словно возразил ему вслух: «Ты что-то не то плетёшь...». В другой раз отец запретил жене подписываться на заём.

16 августа как антисоветски настроенного человека отца охарактеризовали бывшие фронтовики: кузнец член ВКП(б) А.А. Мошников, слесарь механического цеха член ВКП(б) Д.Е. Копылов, каменолом член ВКП(б) В.А. Алексеев, каменолом Г.Т. Титов, а также другой каменолом – И.А. Шаров, в годы войны находившийся в германском плену. Машинист электростанции 25-летняя

Здание типографии имени Ивана Федорова. 2016 г.

Смирнов Г.Н. в Ялте. 10 апреля 1961 г.

С.И. Шведова фактически назвала отца виновником аварии, произошедшей 1 мая 1950 г., хотя она сама не видела, кто же снял кожух с возбудителя и поднял щётки генератора.

17 августа Фадеев продолжал допросы. Несколько эпизодов, в которых отец проявлял «недовольство» жизнью рабочих, вспомнила жена Тузова В.П. Серова, 60-летний молотобоец кузницы К.С. Степанов, бывший фронтовик член ВКП(б) В.Н. Ботин. В 1949–1950 гг. Ботин работал машинистом электростанции и был приятелем отца, поскольку они неоднократно бывали друг у друга в гостях.

Только один человек – 19-летний электромонтёр Н.И. Мельников, для которого отец был начальником и наставником, – заявил, что «разговоров антисоветского характера от него никогда не слышал», хотя отец его часто ругал «ни за что».

Фадеев, вероятно, был очень удивлён показаниями юноши и в тот же день провёл очную ставку Мошникова и Мельникова. Но и в этой ситуации Николай Мельников не подтвердил слов отца по поводу задержки зарплаты на несколько дней и прежней жизни рабочего на Путиловском заводе в Петрограде, заявив, что «сидел в стороне» и ничего подобного не слышал.

Тем не менее, в распоряжении Фадеева находилось уже достаточно доказательств «антисоветской деятельности» старшего электромонтёра известкового завода Смирнова Г.Н. В полученной им производственной характеристике, подписанной начальником завода А.П. Теловым, было сказано, в частности, следующее:

«За период работы Смирнова старшим электромонтёром на заводе имели место аварии в электрохозяйстве. Так, за 1951 год сгорел электромотор 14 кВт и вышел из строя генератор 57 кВт.

Заявляя постоянно о недостатках электромонтёров, в то же время комплектовать учеников под руководством Смирнова было невозможно. Смирнов всегда имеет какую-либо претензию и недовольство, о всех этих претензиях и недовольствах старается высказаться среди других рабочих».

Фадеев подготовил постановление на арест отца. Оно было согласовано с начальником следственной части капитаном Вербовым и утверждено 23 августа 1951 г. заместителем начальника Управления охраны МГБ на Северной железной дороге полковником С.Т. Митряшовым¹³. На следующий день заместитель

¹³ Митряшов Семён Тимофеевич (1903–1973) – чекист, полковник (1943). С 1939 года – начальник УНКВД–УНКГБ Тамбовской области, в 1944–1951 гг. – нарком–министр ГВ Чувашской АССР, в 1951–1953 гг. – заместитель начальника Управления охраны МГБ на Северной железной дороге.

прокурора Северной железной дороги Шевырин санкционировал арест отца. 28 августа старший следователь отдела охраны МГБ на станции Бабаево Смирнов (снова ирония судьбы!) сделал обыск на квартире, где жили отец с мамой и арестовал его. Тогда же, в день ареста, был составлен словесный портрет отца: *«Рост средний (165–170 см), фигура – средняя, плечи – опущенные, шея – короткая, волосы – светлорусые, глаза – серые, лицо – овальное, лоб – низкий, брови – дугообразные, нос – малый, спинка носа – прямая, рот – малый, губы – тонкие, подбородок – скошенный, уши – малые»*. Замечу, что, глядя на фото отца, его уши и нос мне не кажутся «малыми».

В «Деле № 1909 по обвинению отца по ст. 58-10, ч. I УК РСФСР» записана и его особая примета: шрам на левой руке.

Начались допросы... В их оформлении появилось некоторое отличие от протоколов 1937 г.: следователи стали указывать время начала и окончания допросов. Если первый – «биографический» – допрос проходил 29 августа 1951 г. с 21-и до 23-х часов, то следующий – с 21.30 31 августа до 03.05 1 сентября. После этого допроса чекисты Фадеев и Вербов, а также надзиратель старший сержант Ермилов вынуждены были составить акт, в котором указали, что *«...обвиняемый Смирнов, прочитав протокол допроса, заявил, что показания с его слов записаны правильно, однако протокол допроса подписывать не будет, поскольку речь идёт о совершённом им преступлении в 1937 г., за которое он срок наказания отбыл, и что, если он подпишет этот протокол, то его снова будут судить за это»*.

На следующем допросе, 4 сентября (13.00–16.50) отец показал, в частности, следующее: *«...если мною и были когда-либо высказывания антисоветского характера допущены, то цели в этом я совершенно никакой не преследовал, а просто не допонимал, что такой мой разговор является антисоветским»*.

10 сентября допрос отца проводил капитан Вербов. Начавшись в 22.30, допрос продолжался до 3-х часов ночи 11 сентября, но ничего нового не принёс. Однако Вербову ситуация была ясной. В тот же день он подготовил постановление о привлечении отца в качестве обвиняемого по ст. 58-10, ч. I УК, поскольку *«СМИРНОВ Г.Н. достаточно изобличается в том, что, освободившись из мест заключения, где отбыл наказание за контрреволюционную деятельность, с начала 1949 г., работая на Верхневольском заводе МПС, занимался антисоветской деятельностью»*. Постановление было утверждено полковником Митряшовым и объявлено

отцу под роспись. Тогда же (11 сентября) с 20.30 до полуночи Вербов провёл очередной допрос, но отец отвечал: «...виновным ... себя признать не могу».

Спустя неделю допросы были продолжены. Вербов «работал» с ним ночью (21.30 19.09 – 02.30 20.09 и 21.15 21.09 – 04.00 22.09), но признания отца в содеянном преступлении так и не добился. После этого обвиняемого Смирнова на 16 дней оставили в покое: вологодские следователи сделали паузу, ожидая материалы от своих новгородских коллег.

21 и 28 сентября 1951 г. следователь отдела охраны МГБ ст. Новгород старший лейтенант Осипов по «делу отца» допросил трёх работников кирпичного завода. Бывший фронтовик член ВКП(б) В.Г. Абросимов (30 лет) рассказал о том, что в период работы отца на заводе часто горели электромоторы, вспомнил о случае его проникновения на завод через окно и его дружбу ... с немцем Вагнером.

Другой свидетель – слесарь П.Д. Дядькин (в 1938 г. был осуждён по ст. 74 УК РСФСР на 4 года лишения свободы) – тоже помнил о частых авариях в период работы отца, но *«лично ... не видел, чтобы Смирнов что-нибудь с моторами делал»*. На политические темы Дядькин с отцом не разговаривал. Другой свидетель – Т.А. Феклушин-Григорьев – с мая 1948 г. работал электросварщиком и ничего «полезного» для следствия не сообщил.

«Достали» чекисты и П.И. Пасютина, начальника Шуерецкого кирпичного завода. Его допросил 29 сентября 1951 г. старший оперуполномоченный Управления охраны МГБ на станции Сорокская капитан Ерёмин. Пасютин знал отца с августа по ноябрь 1949 г. и с октября 1950 по июль 1951 г., когда был заместителем начальника Верхневольского завода. Он сообщил об отце следующее:

«Неоднократно слышал разговоры антисоветского характера. Смирнов везде и всюду при каждой встрече проявлял недовольство на Советскую власть и работу. О чём я несколько раз Смирнова предупреждал, что Смирнов, брось это дело, возьми себя в руки, так как ты сидел 10 лет и ещё посадят, он не обращал на это внимания, отвечал: «а пошли вы все подальше» и сам отвернётся и пойдёт».

Далее Пасютин привел некоторые выражения отца: *«У нас эксплуатация рабочего хуже крепостного права», «Зачем организовали колхозы, лучше бы жить, как жили при Столыпине», «Беломорканал построен на костях рабочего класса»* и ряд других. Пасютин подытожил: *«Считаю, что Смирнов болтун, че-*

ловек он не авторитетный, но на рабочую массу его разговоры имели влияние. Смирнов заслуживает изоляции от массы».

8 октября 1951 г. «дело Смирнова» принял к своему производству и приступил к следствию начальник 1 отделения следственной части Управления охраны МГБ Северной железной дороги старший лейтенант Праслов. В этот день он провёл два допроса отца (12.05–16.30; 21.00–01.00). Поскольку отец продолжал настаивать на том, что *«никогда не был враждебно настроенным по отношению Советской власти и не занимался подрывной деятельностью против своей Родины»*, Праслов решил внести в дело «диверсионный» элемент. В ночь с 10 на 11 октября он потребовал от отца признаться в том, что он «в силу вражды к Советской власти» неоднократно выводил из строя электроагрегаты на Новгородском кирпичном заводе. Передёргивая факты, Праслов ссылался на показания свидетелей, но отец эти обвинения отрицал.

Спустя неделю в течение пятичасового допроса (11.15–16.20) Праслов вновь пытался добиться признаний отца в «новгородских диверсиях», но цели своей не достиг. Тогда 17 сентября он заявил отцу: *«Вы так же занимались порчей электроагрегатов и на Верхневольском известковом заводе МПС»*. Праслов сослался на показания Шведовой. Отец отверг и эти обвинения, и показания Шведовой, отметив, что с ней у него были нормальные взаимоотношения, если не считать того, что иногда он заставлял молодую женщину спящей на рабочем месте.

Видя, что «диверсий» приписать отцу не удастся, Праслов вернулся к «антисоветской теме», благо здесь свидетельских показаний было предостаточно. Он провёл многочасовые допросы отца 19.10 (21.15–01.00) и 25.10 (12.00–17.00). В промежутке между ними Праслов организовал на него массивную атаку. В период с 16.00 24 октября до 02.15 25 октября, сделав лишь два перерыва, Праслов провёл в Вологде несколько очных ставок. В этом десятичасовом следственном марафоне с отцом поочередно встретились Мошников, Кузнецов, Орлов, Бобрик и Ботин.

Поскольку при очных ставках – в целях объективности показаний – их участники должны указать на характер взаимоотношений, следует отметить, что отец заявил о «не совсем нормальных» отношениях с двумя своими знакомыми. Так, он показал, что Мошников занимался кражей кровельного железа на заводе, о чём отец докладывал администрации. А соседке по квартире Надежде Бобрик он не раз говорил о том, чтобы «она прекратила

разрешать посещение квартиры посторонними лицами». Речь, очевидно, шла о мужчинах, которых «привечала» 34-летняя одинокая женщина.

Всё, что говорили на очных ставках знакомые отца о его антисоветской деятельности, он отрицал. Признал одно: *«Действительно, зимой 1951 г. во время выборов в Верховный Совет РСФСР я говорил в присутствии свидетеля Ботина на Гофманской печи завода: "Говорят, что народ выбирает, на самом деле это делает правительство. Народ только голосует". Других антисоветских проявлений с моей стороны не было».*

Однако уже днём 25 октября 1951 г. сопротивление отца было сломлено. *«На протяжении всего следствия, – признался он, – я умышленно скрывал свою антисоветскую деятельность, проводимую мной на Верхневольском известковом заводе МПС. Делал я это с целью избежать ответственности за совершённое мною преступление. Теперь всё это я осознаю и желаю дать правдивые показания».* И он подтвердил всё, что было изложено в показаниях свидетелей, за исключением одного: *«в присутствии свидетеля Мошникова никогда не ругал коммунистов».*

Отвечая на вопросы следователя, с кем он поддерживал связь в своей антисоветской деятельности и кто разделял его взгляды, отец заявил, что антисоветскую агитацию проводил один. Праслова интересовали и причины, по которым он встал на «антисоветский путь». Отец ответил так: *«Не знаю. Однако заявляю, что я являюсь политически безграмотным человеком».* Его подпись в этом протоколе несколько отличалась от обычной...

Итак, Праслов одержал первую осязаемую победу. Однако следователю хотелось большего. Но двухмесячный положенный по закону срок следствия истекал, и Праслов подготовил постановление о его продлении. Уже на следующий день заместитель прокурора Шевырин наложил резолюцию: *«Продлить до 28 ноября 1951 года».*

30 октября на очередном допросе (12.35–17.00) Праслов попытался добиться признания отца в умышленной порче электродвигателей на Новгородском и Верхневольском заводах. Однако он признал себя виновным лишь *«в халатном отношении к производству».* 10 ноября (10.15–16.00) Праслов потребовал от отца прекратить «бессмысленное запирательство» и признаться в умышленной порче электрооборудования, но ничего не добился.

Через неделю Праслов допросил ещё нескольких свидетелей. Главный механик Верхневольского завода беспартийный В.Г.

Кинаркин (57 лет) заявил, что «в бытность работы Смирнова старшим электромонтером завода неоднократно выходили из строя и горели электромоторы» и считал, что он в одних случаях «всё это пытался делать умышленно», а в других из-за преступного отношения к производству. Кроме того, Кинаркин показал, что «Смирнов настроен антисоветски». Бывшие фронтовики член ВКП(б) бригадир И.М. Новожилов и беспартийный начальник горного цеха Г.А. Беляков также считали, что Смирнов хотел умышленно вывести из строя электрооборудование. К делу была приобщена и справка (по случаям вывода из строя Смирновым электрооборудования). Она датирована 16 ноября 1951 г. Инженер-электрик Калинин отмечал в ней следующее:

«... Допущенные Смирновым в 1950–51 гг. на заводе нарушения в эксплуатации оборудования являются грубыми с технической точки зрения.

Случай, имевший место 1-го мая 1950 г., когда Смирнов в ночное время появился на электростанции и поднял щётки возбуждителя (это утверждение С.И. Шведовой отец отрицал. – В.С.), мог иметь последствия аварийного характера.

Вина старшего электрика Смирнова по случаю вывода из строя электромотора $P=14$ кВт (в ночь с 13 на 14 июня 1951 г. – В.С.) заключается в том, что он оставил для наблюдения за работающим электромонтёром ученика (Грибова – В.С.), предварительно его не проинструктировал и его работу не проверил.

При пуске в эксплуатацию генератора мощностью 57 кВт (в марте 1951 г. – В.С.) Смирнов, зная, что генератор долгое время находится в помещениях с повышенной влажностью (вследствие отсутствия доброкачественной крыши на электростанции. – В.С.), должен был проверить состояние изоляции обмотки. Однако Смирнов этого не сделал».

Такая крайне неллицеприятная характеристика профессиональной деятельности отца, тем не менее, не давала возможности Праслову обвинять его в умышленной порче заводского оборудования.

28 ноября 1951 г. Праслов вынужден был закончить следствие. При этом к делу был подшит любопытный документ – медицинская справка, подписанная неким майором медицинской службы (подпись неразборчива):

«... Следственный заключенный Смирнов Г.Н., 1902 г.р., имеет медкардиодистрофию, к/ф, хронический бронхит, эмфизему лёгких – к физическому труду годен».

29 ноября 1951 г. подготовленное Прасловым обвинительное заключение было утверждено начальником отдела охраны МГБ на Северной железной дороге полковником Кузьминым¹² и заместителем прокурора дороги Шевыриным. В нём, в частности, Смирнов Г.Н. обвинялся в том, что *«будучи враждебно настроенным по отношению Советской власти на протяжении 1950–51 гг. среди рабочих Верхневольского известкового завода проводил злобную антисоветскую агитацию, в которой возводил клевету на жизненные условия трудящихся в Советском Союзе, восхвалял порядки в б[ывшей] царской России, при этом в резкой антисоветской форме клеветал по адресу вождя партии и Советского Государства и на систему выборов в СССР, т.е. в преступлении по ст. 58-10, ч. I УК РСФСР».*

Праслов подготовил и список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание: Ботин, Мошников, Орлов, Бобрик.

На подготовительном заседании Линейного суда Северной железной дороги, состоявшемся 6 декабря 1951 г. (Федотова – председатель, Мухин и Свешников – народные заседатели) с участием прокурора Шевырина было решено заслушать дело отца в закрытом судебном заседании 13 декабря 1951 г. и вызвать в суд дополнительно свидетелей Тузова, Шарова, Титова, Качалова. В тот же день отцу была вручена копия обвинительного заключения.

Суд состоялся в назначенный срок в здании Линейного суда (г. Вологда, пл. Шмидта, д. 1¹³). В 10 часов утра в зал вошли председатель суда Федотов и народные заседатели Губанов и Подхомотов. Присутствовали также зампрокурора Шевырин и адвокат И. Буликов.

Выступая на суде, отец, в частности, сказал следующее: *«... Систематически контрреволюционной агитации я не проводил. Отбыв наказание, я до 1948 г. работал в лагере по вольному найму и работал там по-стахановски. На Верхневольский из-*

¹² Кузьмин Игнатий Иванович (1902–после 1966) – чекист, полковник ГБ. В 1920–1926 гг. служил в Красной Армии, в 1926–1954 гг. – в органах ВЧК (ОГПУ, НКВД, МГБ). Участник Великой Отечественной войны и разгрома Квантунской армии Японии в Маньчжурии (1945). В марте–июне 1953 г. – начальник Управления охраны МГБ по Северной железной дороге. В 1962–1966 гг. работал в Вологодском государственном педагогическом институте в отделе кадров и на кафедре гражданской обороны.

¹³ В начале 1960-х годов старые здания на площади были снесены, вместо них построили новые. В 1973 г. площадь Шмидта переименована в площадь Бабушкина (в честь рабочего и революционера И.В. Бабушкина).

вестковый завод я поступил в 1949 г. Работал я тоже неплохо. Мне уже надоело скитаться и [я] хотел устроить свою личную жизнь и жить спокойно... Я стремился к работе, завёл хозяйство, жил хорошо и мне даже завидовали.

Обиды на Советскую власть я не имел. С восьми лет я начал работать. Летом пас скот, а зимой ходил побираться. В 1918 г. ушёл добровольно в Красную Армию. Вернувшись, работал в батраках. В 1924 г. поступил [на работу] в Ленинграде и работал до 1937 года.

Относительно выборов я действительно сказал так: «Наше дело только проголосовать, а там уж без нас выберут». Это моя ошибка, и этого факта я не отрицаю. Свидетель Бобрик все переврала. Мы с ней живём в одной квартире. Она ведёт нехорошую жизнь, к ней ходят мужчины, устраивают пьянки. Я просил её прекратить это и даже жаловался начальнику. Она на это рассердилась и сказала мне: “Тогда я тебя посажу”.

Про т. Сталина я так не говорил. Бобрик неправильно показывает.

Тузов был пьяница, хулиган, и он сердился на меня за то, что я у него выключил свет.

Если я что и высказывал неправильно, то это по своей малограмотности и прошу это учесть.

Царское время мне хвалить не за что, и жизни в то время я не знаю.

Я признаю, что допускал ошибки в своих разговорах, но это не контрреволюционная агитация...».

После состоявшихся прений выступил адвокат Буликов. Не отрицая виновности своего подзащитного и считая квалификацию обвинения правильной, он просил суд – с учётом возраста подсудимого – определить подзащитному более лёгкую меру наказания.

В заключительном слове отец попросил суд принять во внимание, что он – человек малограмотный, заслужил наказание, но также просил учесть его возраст (49 лет. – В.С.) и дать более лёгкую меру.

После перерыва был оглашён приговор: 8 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовом лагере и поражением в правах по пп. «а», «б» и «в» ст. 31 УК РСФСР на 3 года. Кроме того, было решено взыскать с отца в доход государства судебные издержки в сумме 562 руб. 45 коп. и в пользу Вологодской юридической консультации за участие в суде адвоката Буликова – 200 руб.

16 декабря 1951 г., находясь в Вологодской тюрьме № 1, отец обратился с кассационной жалобой, которая вместе с делом была отправлена в окружной суд железнодорожного транспорта Северо-Западного округа. В жалобе отец написал: *«Линейный суд судил меня беспощадно, по моему возрасту 50 лет приговор суров. А потому прошу ... учесть мою просьбу и снизить для меня меру наказания».*

В окружном суде (председатель – Буров, заседатели – Ксенофонтов и Миронов) было оглашено заключение помощника прокурора Северо-Западного округа железной дороги Хайкиной, предложившей оставить приговор в силе. В связи с тем, что *«... ссылка Смирнова ... на то, что он разговоры проводил по своей неосознанности, является несостоятельной»*, приговор решили *«оставить в силе, а кассационную жалобу – без удовлетворения»*. После этого отец был отправлен в лагерь.

Следует отметить, что 1951 год для него закончился не только второй «посадкой», но и потерей сына-младенца – первенца моей мамы (моего старшего брата)...

9 января 1952 г. председатель Линейного суда Федотов отправил народному судье Бабаевского района Вологодской области предписание, в котором указал, что необходимо произвести описание имущества отца. 18 апреля бабаевский судья Н. Громов сообщил в Линейный суд, что сумму в 562 руб. 45 коп. в доход государства с осуждённого Смирнова Г.Н. *«взыскать по месту жительства нет возможности, за отсутствием имущества»*. Громов приложил акт о несостоятельности и исполнительный лист без исполнения.

6 мая 1952 г. этот исполнительный лист был отправлен в г. Грязовец Вологодской области, в ИТЛ п/я 256/2, где отец отбывал срок ...

Прошёл год. 5 марта 1953 г. умер Вождь, а уже 22 марта Указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена амнистия. По всей стране из многочисленных лагерей на свободу стали досрочно выходить «зэки». Но *«скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»*. Лишь 14 сентября 1954 г. был подготовлен следующий документ:

Заключение

(по архивно-следственному делу № 2985)

Я, сотрудник рабочего аппарата Вологодской областной комиссии по пересмотру уголовных дел о контрреволюционных преступлениях капитан Шутков в соответствии с приказом

№ 96 сс/0016/00397/002526 от 19 мая 1954 г., изучив архивно-следственное дело по обвинению Смирнова Георгия Николаевича
Полагал бы

Приговор изменить и снизить ему меру наказания до 5 лет лишения свободы и из мест заключения освободить на основании ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22.03.53 г. «Об амнистии».

22 октября 1954 г. Вологодская областная комиссия поддержала предложения Шуткова и направила протест в Транспортную коллегия Верховного Суда СССР. Однако лишь 7 мая 1955 г. на заседании этой коллегии (В.А. Успенский – председатель, В.В. Покровский и Н.Л. Жуков – члены) было принято решение снизить для отца срок до 5-и лет, без поражения в правах и освободить из мест лишения свободы со снятием судимости.

27 мая 1955 г., то есть спустя более, чем два года после обнародования Указа об амнистии, отец покинул ИТЛ п/я 243 в посёлке Вожаель (ст. Веселяна Железнодорожного района Коми АССР).

Очевидно, что жить в Бабаево среди людей, которые отправили его «в лагерь», отцу было невозможно. Поэтому после освобождения он и мама уехали в Новгород, где в это время жил с семьёй сын отца – Анатолий. В то время в Новгороде активно шло строительство, и отец стал работать электромонтёром на различных объектах, в частности, в строящемся Доме Советов. А там, где сейчас стоит памятник пионеру – Герою Советского Союза Лёне Голикову, у моих родителей был маленький огород. Жили они в одной из комнат двухэтажного дома, о котором я уже упоминал (после ремонта 1965/1966 гг. – в отдельной однокомнатной квартире без ванной), где в конце декабря 1956 г. появился и я.

В 1962 г. отец вышел на пенсию. Тогда же он побывал в Ялте, в санатории...

Но жить, имея в биографии две судимости, было нелегко и морально, и материально: оба «срока» не были зачтены в трудовой стаж, и потому пенсия была небольшая.

16 апреля 1964 г. отец решил: написал письмо областному прокурору Ленинграда. В нём он указал, что в 1937–1942 гг. понёс незаслуженное наказание, во время отбывания которого честно и добросовестно трудился в числе тех людей, кто «на голом пустыре в Заполярье построил г. Воркута», что затем в том же краю отработал ещё 6 лет «по вольному найму» и был «ударником труда». Отец просил пересмотреть его дело 1937 г.

Спустя некоторое время, заместитель прокурора РСФСР государственный советник юстиции 2 класса В.М. Блинов¹⁴ внёс в Президиум Верховного Суда РСФСР – секретным порядком – протест по делу отца. В нём было указано, что высказывания Смирнова Г.Н. в 1937 г. *«не являлись по содержанию антисоветскими, а свидетельствовали лишь о политической неразвитости осуждённого»*. Так, спустя 27 лет Г. Смирнов был реабилитирован «по делу 1937 г.».

Ровно через два года, 16 апреля 1966 г., отец написал заявление областному прокурору Вологды: *«...Очень прошу оказать содействие о снятии судимости и реабилитации с тем, чтобы я мог умереть с чистой душой, и чтоб мои дети не страдали за отца, как это было во время произвола, в 37 году, но я уверен, что такого произвола никогда не повторится...»*.

Проьба отца и на сей раз была услышана. 10 августа 1966 г. его дело 1951 г. было рассмотрено на Пленуме Верховного Суда СССР, который проходил под руководством заместителя председателя Верховного Суда В.И. Теребилова¹⁵ с участием заместителя Генерального прокурора СССР М.П. Малярова¹⁶.

В решении Пленума было отмечено, что *«...высказывания Смирнова явились политически неправильными, однако, с учётом того обстоятельства, что эти высказывания были допущены малограмотным Смирновым не из антисоветских побуждений, а на почве его материальных затруднений, суд расценил их как антисоветскую агитацию необоснованно»*. Пленум по-

¹⁴ Блинов Владимир Михайлович (1918–1990) – государственный деятель, юрист, государственный советник юстиции 1 класса (1964), кандидат юридических наук (1966), заслуженный юрист РСФСР (1981). Окончил Ивановский энергетический техникум (1937), Высшее военноморское училище в Ленинграде (1941), Всероссийский юридический заочный институт (1958). С первых дней Великой Отечественной войны находился на фронте, командовал подразделением морской пехоты. В 1943 г. тяжело ранен. В 1943–1959 гг. – на комсомольской и партийной работе в г. Иваново и Молдавии. В 1959–1963 годах работал в аппарате ЦК КПСС. В 1963–1970 гг. – заместитель Прокурора и Прокурор РСФСР. В 1970–1984 гг. – министр юстиции РСФСР.

¹⁵ Теребилов Виктор Иванович (1916–2004) – государственный деятель, юрист. Заместитель председателя Верховного Суда СССР (1962–1970), министр юстиции СССР (1970–1984), Председатель Верховного Суда СССР (1984–1989).

¹⁶ Маляров Михаил Петрович (1909–1984) – генерал-лейтенант юстиции, первый заместитель Генерального прокурора СССР (1964–1973), государственный советник юстиции 1 класса.

Смирнов В.Г. на родине отца.
Псковская область
Великолукский район. 2011 г.

ков уж оказался его характер: был несдержан на язык – «малограмотен». Возможно, и я такой же. И это естественно: ведь яблоко от яблони недалеко падает...

Р. С. Летом 2011 г., находясь на отдыхе в г. Торопец Тверской области, мы с женой на такси отправились в соседнюю Псковскую область, чтобы найти место рождения моего отца. Путь наш пролегал через Великие Луки. Вокруг были русские просторы – к великому сожалению, в основном с заброшенными полями. Проехав 200 км «в один конец», мы увидели всего четыре фермы (из которых только одна выглядела прилично) и лишь одно стадо коров – голов на 20. Наконец, спустившись с пригорка в сторону реки Великой, мы заметили столб с указателем – «Фёкино». Но деревни не было видно, поэтому пришлось проехать дальше – почти к самой реке, ширина которой здесь оказалась всего несколько метров. Там-то мы и обнаружили лишь два бревёнчатых дома с участками, заросшими деревьями и кустарником. Последние жители их покинули на рубеже XX–XXI в.

становил приговор Линейного суда Северной железной дороги от 13 декабря 1951 г. и последующие определения вышестоящих судебных инстанций в отношении Смирнова Г.Н. отменить, и дело о нём производством прекратить. Так, отец был реабилитирован и по «делу 1951 г.».

Обе реабилитации были, быть может, самыми большими победами в жизни отца. А спустя 13 лет, когда его уже не было в живых, эти победы отца принесли свои плоды и мне, лейтенанту Смирнову...

Жизнь моего отца оказалась весьма сложной. В тех бедах, которые выпали на его долю, он во многом был повинен сам. Но та-